
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ОТ ОБРАЗА К АРХЕТИПУ. ПАРФЕН РОГОЖИН*

Н.А. Бирюзова, Д.У. Якибова

Кафедра русской и зарубежной литературы
Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В основе образа Рогожина лежит принцип антиномии, который определяет многосоставность образа, истоки которой находятся в архетипах.

Как правило, при анализе романа Федора Михайловича Достоевского «Идиот» подчеркивается особая роль центральных персонажей произведения — князя Льва Николаевича Мышкина и Настасьи Филипповны Барашковой. Однако не менее важен третий персонаж романа — Парфен Семенович Рогожин, «самое страшное лицо романа», — по мнению А. Блока [1. С. 78—79], которому Достоевский, как отмечает С. Сальвестрони [2. С. 84], симпатизирует и отмечает его как натуру сложную и внутренне богатую, способную к духовному развитию, что писатель раскроет в своих последующих героях, в частности, в страстном Дмитрие Карамазове.

Известно, что Достоевский воспринимает личность как некий субстанциональный код, который не поддается однозначной расшифровке. У него никогда нет абсолютно отрицательных или абсолютно положительных персонажей. Идея многоплановости человеческой личности, восходящая к теории двойственности, сопряжена у Достоевского со стремлением к изображению всех глубин человеческого духа. Каждый человек сложен и многомерен, он является носителем как злой, так и доброй воли одновременно. Именно в образе Парфена Рогожина максимально концентрируются полярные качества души, восходящие своими корнями к древнейшим архетипам Добра и Зла, Хаоса и Порядка, Света и Тьмы. Многосоставность образа Рогожина очевидна, ее можно представить в виде сложной структуры, воплощающей в себе несколько частей по принципу матрешки: 1) человеческий образ; 2) библейский образ разбойника, распятого вместе Христом; 3) воплощение древних архетипов Добра и Зла; 4) хтоническое существо, воплощающее в себе Хаос и Небытие, Свет и Жизнь.

Двойственность и оборотничество человеческой природы сохраняется в образе, усложняясь в смысловом плане от этапа к этапу. На первом уровне Рогожин

* Статья написана в рамках ИОП.

представляется нам обычным человеком, в чьей душе сосуществуют различные эмоции и чувства, попеременно захватывающие над ним власть. У героя существуют два прототипа. Одним из них, согласно М.С. Альтману, является московский потомственный гражданин, убийца ювелира Ильи Калмыкова, купец Мазурин. В тексте романа сохранены характерные особенности московского убийства, а сам убийца неоднократно сопоставляется с Рогожиным. «Я уверена, — пишет Настасья Филипповна Аглае Епанчиной о Рогожине, — что у него в ящике спрятана бритва, обмотанная шелком, как и у того московского убийцы. Тот тоже жил с матерью в одном доме и тоже перевязал бритву шелком, чтобы перерезать одно горло. Все время я была у них в доме, мне все казалось, что где-нибудь... спрятан мертвый и накрыт клеенкой, как и тот московский, и так же обставлен кругом склянками со ждановской жидкостью». Эти слова оказались пророческими: героиню ждет участь убитой ножом, накрытой клеенкой и обставленной ждановской жидкостью: «Я ее клеенкой накрыл, хорошою, американскою клеенкой, а сверх клеенки уж простыней, а четыре склянки ждановской жидкости откупоренной поставил, так теперь и стоят.

«Это как там... в Москве?» — спрашивает Мышкин. Суд над купцом В.Ф. Мазуриным состоялся в ноябре 1867 года. 26 ноября отчет о процессе был опубликован в «Московских ведомостях» (№ 259), а 29 ноября — в «Голосе» (№ 330). Именно в эти дни Достоевский знакомится с материалами дела и обдумывает вторую и окончательную редакцию «Идиота».

Второй прототип мы можем обнаружить в предшествующем творчестве писателя. Так, взаимоотношения красавицы Катерины, одержимого неистовой страстью к ней купца Мурина и влюбленного в нее мечтателя Ордынова в ранней повести «Хозяйка» (1847) не без основания можно рассматривать как зарождение художественной ситуации Настасья Филипповна — Рогожин — Мышкин. Страсть Мурина — это страсть Рогожина, достигшая апогея и вылившаяся в преступление. Однако этот поступок вовсе не является осознанным злодеянием. Как отмечается в работе «Гайна человека. Своеобразие реализма Достоевского» [3], близость с собственными героями побуждает писателя выдвигать на первый план те их свойства, которые должны возбуждать к ним особый интерес и симпатию. Таким качеством героев его романов оказывается болезненность [4]: «...особенно приметна была в этом лице его мертвая бледность». «Мертвая бледность» лица Рогожина — свидетельство его болезненного состояния. Не иначе как болезнью можно расценить его душевное состояние. Страсть становится главным источником его душевных бед и болезни. Это слишком сильные эмоции, которые так часто лишают разума, разрушают и душу, и тело. Чувства снедаемого страстями человека порой гораздо сильнее его веры и рассудка. Зачастую таких людей можно назвать одержимыми, бесноватыми, безумными. Только полное погружение в чувство определяет все действия и поступки Рогожина. Безумие определяется, согласно евангельскому пониманию, как подчиненность бесу. И сам безумный уже при жизни погружается в мрак вечной смерти и небытия. С древнейших времен безумство понималось как отпадение от Бога: «Рече безумец в сердце

своём: несть Бог» [4. С. 138]. Только победив страсть, человек непременно достигнет ворот рая. Но Рогожин не способен на это, пока жива Настасья Филипповна, как не способен разглядеть и ее душевную раздвоенность и болезнь, идентичную его собственной. Именно поэтому он и говорит Мышкину, отметившему безумие Барашковой: «Какая же сумасшедшая?.. Как же она для всех прочих в уме, а только для тебя одного как помешанная?..».

Таким образом, затрагивая тему души, идея о сосуществовании в человеке полярных характеристик и чувств переходит из социально-бытового плана в более усложненный, евангельский план, который является непосредственно канвой романа «Идиот». В библейском контексте, как и в социально-бытовом, образ Рогожина будет соответствовать образу преступника. В. Мильдон, изучая черновики к «Идиоту», находит в частности неоднократные аналогии и сопоставления Мышкина с Христом, Настасьи Филипповны с Магдалиной, а Рогожина с разбойником [5. С. 349].

Вновь у Рогожина появляются два прототипа. «Тогда был в узах некто, по имени Варавва, со своими сообщниками, которые во время мятежа сделали убийство [6. С. 117]». Варавва, совершивший преступление, был арестован, а после отпущен по воле народа и по приказу Понтия Пилата в честь праздника, счастливо избежав казни. Возмездие также не торопится нагнать Рогожина, который остается некоторое время на свободе после убийства Настасьи Филипповны. И этот короткий период — торжество темной стороны его души. Однако герою не избежать креста. Пребывая в состоянии болезненного чувства, измучив душу, утверждая собственное Я, герой, по мнению В.Г. Одинокова, «возвел Мышкина на „Голгофу“, как Раскольников ту часть своей души, которая процировалась в Мышкине. Вместе с тем Рогожин „распял“ и себя [7. С. 114].

На протяжении всего романа Рогожин находится либо в *оппозиции* к Мышкину, либо предстает *перед* ним как перед существом высшего порядка. И только в финальной сцене у тела Барашковой он оказывается *рядом* с князем, как распятый с Христом на Голгофе разбойник. Это происходит потому, что смерть Настасьи Филипповны повергает Рогожина, с одной стороны, в пустоту и растерянность, а с другой, лишает наваждения и происходившего от него безумия. В последнем эпизоде романа он опирается на Мышкина, ставшего однажды ему братом и другом, единственного, кто видел в нем человека. Любовь, очищенная от всякого зла и греховных страстей, наконец-то объединяет этих двух персонажей и приводит их к полному взаимному приятию. Каждый из них принимает на себя страдание другого, и оба становятся единым и неделимым целым. Трогательная забота, с которой обновленный Рогожин обращается с князем, означает начало выздоровления и просветления души. И в данном случае вторым прообразом Рогожина становится разбойник, казненный на кресте и уверовавший в Господа: «...И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда прийдешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со мною в раю» [8. С. 97].

Углубляясь в идейные пласты романа «Идиот», мы видим, как образ Парфена Рогожина разворачивается перед нами, обнажая неоднородную природу человеческой личности. Не только страсть, послужившая причиной злодеяния, характеризует его. По мысли Достоевского, стихийная близость к «почве», к народной среде, обуславливает богатство скрытых в его натуре возможностей. В подготовительных материалах ко второй, третьей и четвертой частям окончательной редакции романа оттенялась его способность к широким порывам, внезапным духовным подъемам. По мнению Ф.М. Достоевского, человек изначально и зол, и добр — он антиномичен. И Добро, и Зло проявляются в поступках человека. У него всегда есть выбор, и он свободен в своем выборе. Для героев Достоевского вполне характерна проблема выбора и поиска истинного пути. Они находятся в постоянном движении со своими взлетами и падениями. Не всегда их путь приводит к желаемому результату. Порой герою приходится возвращаться к исходному пункту, чтобы понять, в чем он ошибся или просчитался, и начинать все заново. Очень долго идет к приятию высшего идеала, к своей пороговой минуте Парфен Рогожин, так как подвергается в своей земной жизни страстям, искушению и сомнению, зачастую поворачивая в противоположную от идеала сторону, таким образом постоянно находясь перед выбором в пользу добра или зла. В конечном итоге ему удается преодолеть болезнь путем личного сопротивления злу.

Мысль Ф.М. Достоевского о том, что все начала и концы — в человеке, выводит нас к древнейшим категориям, к архетипам Добра и Зла, Хаоса и Порядка, Света и Тьмы. Эти архетипы являются универсальными, наделенными свойством вездесущности и пронизывают всю культуру человечества с древнейших времен до современности, переходя из поколения в поколение. Обращаясь именно к этим двум глобальным началам всего сущего, индивид черпает силы для тех или иных своих поступков, в конечном счете определяя свой выбор. Уже первое появление Рогожина свидетельствует о его близости с дьяволом. В его портрете присутствуют темные, традиционные для бесов тона: он «был небольшого роста, лет двадцати семи, курчавый и почти черноволосый, с серыми маленькими, но огненными глазами... тонкие губы беспрерывно складывались в какую-то наглую, насмешливую и даже злую улыбку... особенно приметна была в этом лице его мертвая бледность».

Поддавшись безумной страсти к Настасье Филипповне, Рогожин высвобождает деструктивные инстинкты: злобу, ненависть и глухое, тяжелое отчаянье. Как отмечает Романо Гуардини, Рогожин, несмотря на тесную связь с Мышкиным, существом из царства света, все равно находится в темноте, в подземном царстве, из которого ему нет выхода [9. С. 295]. Сжигающий его огонь несет разрушение и смерть. Подверженный до определенного момента лишь своей злой воле, герой предстает перед нами как некое средоточие зла, существо, порожденное хаосом. Во второй части романа в четвертой главе Рогожин отказывается при встрече обнять князя, так как жгучая ревность поселяет в нем недоверие, ненависть, заставляет вынашивать план возможного убийства и следить за своим крестовым братом: «Да, это были те самые глаза,.. которые сверкнули на него утром, в толпе, когда он выходил из вагона Николаевской железной дороги; те самые,.. взгляд которых он поймал потом давеча, у себя за плечами, са-

дьясь на стул у Рогожина. Рогожин давеча отрекся: он спросил с искривленной, леденящей улыбкой: „Чи же были глаза-то?“ И князю ужасно захотелось, как еще недавно в воксале Царскосельской дороги, — когда он садился в вагон, чтоб ехать к Аглае, и вдруг опять увидел эти глаза, уже в третий раз в этот день, — подойти к Рогожину и сказать ему, „чи это были глаза!“». И эти страшные глаза не принадлежат человеку. По словам И.Р. Ахундовой, «архетипический образ „всевидящих“ и „светящихся“ глаз является одним из атрибутов мифологических персонажей, отличающихся от людей» [10. С. 373]. Необходимо отметить, как часто автор говорит о глазах Рогожина: «глаза Рогожина за-сверкали», «сильнее блеснули», «сверкая глазами». «Сверкающие глаза», «ухмыляющаяся улыбка», «курчавые волосы», дом Рогожина — «большой, мрачный, в три этажа, без всякой архитектуры», похожий на преисподнюю — свидетельства демонической сущности этого персонажа.

Архетип хаоса предстает в произведениях Достоевского в непосредственном или завуалированном виде. В случае с Рогожиным хаос представляет собой потемки человеческой души и обретает вполне зримый характер. Бесспорно, Рогожин человек, но человек наполовину. Другая его половина, как считает И.Р. Ахундова, заставляет вспомнить о тех хтонических существах, к которым относятся умершие люди, живущие в загробном мире. Умершие дед и отец Рогожина, как представители преисподней, передали ему свою хтоническую сущность, способность к оборотничеству, благодаря которой герой умудряется ночью явиться к Ипполиту и утвердить его в мыслях о самоубийстве. Смертельно больной Ипполит испытывает сильный страх и ненависть к Рогожину, воспринимает его как дьявола, так как утром выясняется, что человек не мог его посетить: «Я справился и убедился, что настоящему Рогожину невозможно было войти, потому что все наши двери на ночь запираются на замок». Символичен и бриллиантовый жук на шубе Рогожина, который вызывает ряд ассоциаций. В мифопоэтическом сознании жук, как и пауки, мыши, скорпионы, тарантулы, мухи (часто появляющиеся в текстах Достоевского), — существа низшего, хтонического уровня, они связаны с силами хаоса, смерти.

Однако Рогожину удается повернуться к Свету, признать ошибочность и невозможность избранного им ранее пути. Немало этому способствует влияние Мышкина, олицетворяющего христианский идеал Добра. Князь — Христос — не видит зла в душе Рогожина, потому что сам к этому злу не причастен. Он сострадает герою и жалеет его, отмечая в нем лучшие качества и способность к духовному развитию. Мышкин не пытается изменить Рогожина и увлечь его за собой, а ждет, когда тот по собственному желанию примет его любовь, по-настоящему будет нуждаться в нем. Путь к истинному Добру и Свету — это путь свободного и осознанного выбора, которому предшествует множество испытаний, где основным является борьба человека с самим собой. Как считает О.Н. Осмоловский, христианский идеал личности становится высочайшим недостижимым идеалом, могучим стимулом духовного совершенствования человека [11. С. 73]. И Рогожин к такому совершенствованию способен, несмотря на смертный грех убийства, лежащий на его совести. По мнению писателя, если человек совершил против другого несправедный поступок, то ущерб,

нанесенный целостности мирового миропорядка, может быть восполнен через страдание преступника, так как страдание исцеляет пораженную грехом душу, или через помилование [12. С. 39]. Помилование Рогожин получает от Мышкина как наивысшей инстанции в духовном смысле. Страдания ему причиняет осознание в полной мере последствий своего страшного поступка. Искупление же составляют те пятнадцать лет каторги, к которым герой был приговорен.

Достоевский ничего не сообщает о том времени, которое Рогожин прожил в Сибири, где на каторжных работах у него было достаточно времени для размышлений и для духовного возрождения благодаря зернам света и любви, полученным от Мышкина. Происходит это, вероятно, от того, что сама история души Рогожина уже была с наиболее возможной полнотой раскрыта на страницах произведения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Блок А. Собр. соч.: В 8 т.т. Т. 5. — М.: Гослитиздат.
- [2] Сальвестрони С. Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского. — СПб.: Акад.проект, 2001.
- [3] Касаткин Н.В., Касаткина В.Н. Тайна человека. Своеобразие реализма Ф.М. Достоевского. — М.: МПУ, 1994.
- [4] Степанян К.А. Юродство и безумие, смерть и воскресение, бытие и небытие в романе «Идиот» / Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. — М.: Наследие, 2001.
- [5] Мильдон В. Раскольников и Мышкин // Вопросы литературы. — 2005. — № 3.
- [6] Новый Завет. — М.: Сибирская Благовонница, 2005.
- [7] Одинокое В.Г. Типология образов в художественной системе Ф.М. Достоевского. — Новосибирск: Наука, 1981.
- [8] Библия. — М.: Российское библейское общество, 2002.
- [9] Гуардини Р. Человек и вера. — Брюссель, 1994.
- [10] Ахундова И.Р. Воплощение хаоса и небытия (Парфен Рогожин — демон смерти или персонификация судьбы) / Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. — М.: Наследие, 2001.
- [11] Осмоловский О.Н. Ф.М. Достоевский и русский роман XIX века. — Орел: Труд, 2001.
- [12] Новосадов Н.В., Щербакова В.Н. Проблема злого начала и свободы выбора в творчестве Ф.М. Достоевского // Ф.М. Достоевский и современность. Актуальные вопросы изучения творчества: Сборник научных статей и материалов.

FROM CHARACTER TO THE ARCHETYPE. PARTHEN ROGOZHIN

N.A. Birjuzova, D.U. Yakibova

Department of World Literature

Russian Peoples' Friendship University

Miklucho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

The principle of antinomy which is in the basic of the character of Rogozhin defines its complexity and leads to archetypes.